
При рассмотрении детерминации социального развития существенным является анализ тех ингредиентов, посредством которых реализуется этот процесс.

Со стороны *требований* (сущности и содержания) *закона* детерминация социального развития имеет *строго определенную, жестко выраженную форму*. Все многообразие проявляющихся в законе связей в конечном результате направлено на поступательное движение общества. Диалектика социального развития с однозначностью фиксирует этот процесс. Подтверждением тому является переход от одной общественно-экономической формации к другой.

В механизме действия и формах проявления законов, детерминация социального развития приобретает *вероятностный характер*. Множественность деятельных актов людей с их противоречивыми стремлениями и целями снимают жесткую детерминированность социального развития законом. На уровне субъективного выражения его требований детерминация приобретает многозначный характер.

Было бы, однако, неправильным считать, что законы с одной стороны однозначны, а с другой – многозначны. При реальном положении вещей разрыва такого быть не может. Требования законов неотделимы от их механизма и форм проявления. Детерминация социального развития осуществляется в соответствии с законами, действующими как в жесткой, так и вероятностных формах.

По выражению существенных связей в конечном результате своего действия законы общественного развития однозначны, по форме проявления посредством сознательной деятельности людей они носят вероятностный, т.е. многозначный характер.

Законы общественного развития, в равной степени как и способ производства материальных благ, выражают общую направленность деятельности людей, детерминируя совокупный результат их совместных действий. Конкретный же процесс активизации их действий осуществляется посредством механизма социального развития в качестве которого выступают потребности и интересы.

В обществе деятельность является закономерной лишь потому, что объективные требования законов “переключаются” через потребности и интересы в определенную, совпадающую с ходом исторического развития, направленность действий людей. Нет деятельности вне законов, но не может быть и социальных действий людей вне их потребностей и интересов. Они являются основными структурообразующими звеньями механизма социального развития.

Литература

1. Энгельс, Ф К критике политической экономии // Ф. Энгельс, К. Маркс; Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 491.
2. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. // В.И. Ленин – Т. 2. – С. 8.

ОБ ОДНОЙ ЗАГАДКЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ФРГ 1949 ГОДА

В.П. Серебrenников

Минский институт управления, г. Минск, Беларусь

Германия – страна богатой конституционной истории. Под влиянием идей Просвещения и Великой Французской революции XVIII в. в политически раздробленной на десятки суверенных государств Германии уже в начале XIX в. принимаются первые конституции. В 1871 г. была принята первая Конституция объединённой Германии, в 1919 г. – федеральная республиканская (Веймарская) Конституция, формально не отменённая, но фактически прекратившая действовать в период фашистской диктатуры (1933 – 1945).

Германская университетская наука, в том числе правовая, традиционно привлекала внимание и высоко ценилась международной общественностью. Многие известные научные правовые школы связаны с именами крупных немецких учёных – правоведов (В.Лабанда и др.). Большое влияние на развитие правовой мысли в Германии оказывала и продолжает оказывать философская наука (Э.Кант, И.Н.Фихте, Г.В.Ф. Гегель, К.Маркс, К.Ясперс и др.). Что касается науки конституционного права, она представлена именами всемирно известных учёных (XIX в. – начало XX в. – Г.Еллиника, Р.Гейста и др., в наше время – К.Хессе, К.Штейна, К.фон Бойме, Т.Маунца и др.).

Всё это свидетельствует о значительном опыте конституционного строительства в Германии и о высоком уровне развития в ней науки конституционного права.

На фоне изложенного представляется парадоксальным, что Германия в течение последних 60 лет живёт без постоянной федеральной Конституции. Её заменяет временный Основной закон 1949 г. В чём

дело? На поставленный вопрос не дают ответ ни официальные круги, ни немецкое научно-правовое сообщество. В этом и состоит одна из загадок Основного закона 1949 г. Свою задачу мы видим в попытке дать (хотя бы в гипотетическом плане) ответ на поставленный вопрос.

После заключения и ратификации Договора об объединении ФРГ и ГДР от 31 августа 1990 г. (имея в виду, как этот договор был заключён, его более уместно именовать «об интеграции ГДР в ФРГ»: в ГДР даже не был проведён референдум для выяснения отношения её населения к предлагаемому объединению) новая редакция преамбулы Основного закона 1949 г. закрепила, что «немцы достигли путём свободного самоопределения единства и свободы Германии». Если это так, остаётся выяснить, когда «настоящий Основной закон, действующий после достижения единства и свободы Германии для всего немецкого народа, прекратит своё действие (и) вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа» (ст. 146 Основного закона 1949 г.)? [5, с. 78]. В цитируемой ст. 146 речь идёт не о замене действующего Основного закона (Grundgesetz) новым временным Основным законом, а о его замене Конституцией (Verfassung) в точном смысле этого слова, причём, в качестве постоянного, а не временного документа.

Существуют ли препятствия (политические, правовые, морально-психологические и др.) для принятия постоянной Конституции ФРГ? Планируемое статьёй 146 принятие такой Конституции «свободным решением немецкого народа» заблокировано политико-правовым препятствием: действующий Основной закон 1949 г. не предусматривает возможность проведения общенациональных референдумов. Карл Ясперс с сожалением констатирует: «Участие народа в политической жизни посредством референдума не было допущено. Номинально народ суверенен, но он не оказывает никакого влияния на принимаемые решения, разве только путем голосования на выборах, на которых ничего не решается, а лишь признается существование олигархии партий.» [7, с. 32]. Возникновение этого политико-правового препятствия Карл Ясперс объясняет так: «на Основной закон наложило отпечаток воспоминание о несчастьях времен нацизма, он учитывает обстоятельства, приведшие к 1933 г., возлагает вину на Веймарскую Конституцию (она разрешала проведение общенациональных референдумов – В.С.) и предусматривает меры... к неповторению этого. Поэтому его ... ведущая идея – недоверие к народу». [7, с. 66]. Установление самим Основным законом 1949 г. этого политико-правового препятствия, по Карлу Ясперсу, является искусственным и неконструктивным. «Немецкий народ, дескать, еще незрелый. Но ждать нет никакого смысла... если народу не позволяют участвовать в политической деятельности, не существует другого способа для его созревания» [7, с. 194-195].

Наличие политико-правового препятствия сочетается с действием также тормозящего принятие постоянной Конституции фактора морально – психологического характера, сформировавшегося под воздействием послевоенного синдрома. Известно, что послевоенные западногерманские земельные конституции (кстати, утвержденные земельными конституционными референдумами) и Основной закон 1949 г. составлялись и принимались под диктатом и жестким контролем западных оккупационных властей (США, Великобритания, Франция). По существу создавались особого вида октроированные конституции, правда, не дарованные, а навязанные [6, 115]. Навязывание земельных конституций и Основного закона 1949 г., скроенных по лекалам Вашингтона, Лондона и Парижа, естественно, воспринималась немецким народом с чувством огорчения. По большому счету, если оставить в стороне гитлеровские конституционные эксперименты, немцам в общем – то нечему было учиться в плане конституционного строительства ни у американцев, ни у британцев, ни у французов. Однако, осознавая, свою моральную ответственность за установление фашистского режима в Германии со всеми вытекающими из этого последствиями, населению Германии не оставалось ничего другого, как сносить все тяготы и терпеть унижения, ложившиеся на побежденную нацию. «В 1945 г., – констатирует Карл Ясперс, – перед нами стояла нравственно-политическая задача основать новое государство. Эта задача до сих пор не выполнена. Федеративная Республика Германии хотя и создана немцами, но по заданию союзников (западных держав – В.С.). Некоторые из этих немцев были уполномочены на то ими, а не немецким народом» [7, с. 66]. Поэтому принятие и вступление в силу Конституции, «принятой свободным решением немецкого народа» вместо действующего временного Основного закона 1949 г., навязанного немцам западными оккупационными властями, является исторически объяснимой и психологически оправданной мечтой немецкого народа. «Говорят, – с горечью пишет Карл Ясперс, – что народ должен «созреть», прежде чем ему можно будет предоставить политическую свободу» [7, с. 194]. Наверное, пройдут одно или два поколения и время сделает свое дело, прежде чем Германия снова будет ассоциироваться у мирового сообщества с именами Гегеля, Гейне, Гёте, а не Гитлера. Действие послевоенного синдрома вызывает в Германии известную заторможенность в деле конституционного строительства. Хотя после восстановления полного суверенитета Западной Германии в 1955 г. бы-

---

ло принято более ста поправок Основного закона 1949 г., несмотря на объединение в 1990 ФРГ и ГДР, Германия так и «не созрела» для принятия постоянной федеральной Конституции.

Одним из препятствий, возможно, более серьезным на пути принятия постоянной федеральной Конституции является территориальная проблема. Определенная часть немецкого общества желает восстановления Германии в границах 1937 г. (до начала гитлеровской территориальной экспансии). С политической и правовой точек зрения эта проблема является чрезвычайно деликатной. Уже в первый год существования ФРГ, как говорится, масло в огонь подлил первый Президент боннской республики Т. Хейс. Выступая в 1949 г. перед федеральным собранием и формулируя официальную точку зрения, он специально разъяснил, что термин «временный» (применительно к Основному закону 1949 г.) должно понимать исключительно в «географическом» смысле. [1, S. 74]. Иначе говоря, принятие постоянной федеральной Конституции он напрямую связывал с восстановлением территориального единства Германии.

В первоначальной редакции преамбулы Основного закона 1949 г. подчеркивался временный («переходный») характер Основного закона 1949 г. и ограничивалось его действие территорией Западной Германии [4, с. 170.] Вместе с тем, первоначальная редакция преамбулы также содержала политически провокационное положение о том, что народ Западной Германии, принимая Конституцию, «действовал также за тех немцев, которым было отказано в сотрудничестве» [4, с. 170]. О каком отказе от сотрудничества и от сотрудничества с кем в тот период могла идти речь? Вне всякого сомнения имелась в виду Восточная Германия, включенная в советскую оккупационную зону. Однако, хорошо известно, что в Парламентском совете, фактически сформированном западными оккупационными властями (США, Великобритания, Франция), работавшим под их диктатом и жестким контролем и подготовившим (с благословения оккупационных властей) Основной закон 1949 г., заседали только представители западногерманских земель. Немцы из Восточной Германии в Парламентском совете представлены не были и не наделяли от своего имени этот орган учредительными полномочиями.

Ст. 23 Основного закона 1949 г. в первоначальной редакции, действующей до 3 октября 1990 г. (до объединения ФРГ и ГДР), предусматривала, что «в остальных частях Германии» (подчеркнуто мной – В.С.) он (Основной закон 1949 г. – В.С.) вступает в силу по их присоединении» [4, с. 170]. Это положение, основывающееся на презумпции решения проблемы решения территориального восстановления Германии путем конституционного поглощения её «остальных частей», несло на себе откровенно выраженную реваншистскую нагрузку. Какие «остальные части Германии» имела в виду первоначальная редакция статьи 23 Основного закона 1949 г.? Если речь шла только о Восточной Германии, входящей в советскую оккупационную зону, где 7 октября 1949 г. было образовано суверенное государство ГДР, тогда, естественно, возникает вопрос, почему в ст. 23 прямо не говорилось об этой части Германии (после интеграции ГДР в ФРГ с 3 октября 1990 г. Основной закон 1949 г. стал действовать и на территории бывшей ГДР), а употреблялась двусмысленная и неопределенная формулировка «остальные части Германии» (подчеркнуто мной, чтобы обратить внимание на то, что слово «часть» поставлено во множественном числе – В.С.).

Поставленный вопрос выглядит вполне оправданным в свете территориальной политики проводимой руководством ФРГ. Так, первоначальная редакция статьи 23 незаконно включала Большой (Западный) Берлин в территорию ФРГ. Как известно, Восточный Берлин был столицей ГДР, а Западный Берлин являлся особой политической единицей, не включенной в состав ФРГ и ни в коей мере не подпадающий под ее юрисдикцию, что вытекало из Потсдамских соглашений 1945 г. и было подтверждено четырехсторонним соглашением (СССР, США, Великобритания и Франция) по Берлину от 3 сентября 1971 г. В 1957 г. действие статьи 23 Основного закона 1949 г. было распространено на территорию Саар (на основании референдума, проведенного на этой территории), выведенную из-под юрисдикции Франции и включенную в состав ФРГ.

Имеются ли ещё какие – либо территории («части»), входящие в состав Германии до 1937 г. и исключённые из её состава после её капитуляции в 1945 г.? Среди таких территорий – Восточная Пруссия, отошедшая к СССР, где была образована Калининградская область, земли по линии Одер – Нейсе и Судеты, переданные соответственно Польше и Чехословакии. В силу подписанных и ратифицированных двухсторонних договоров ФРГ, СССР, Польшей и Чехословакией, а также договора об основах отношений с ГДР как суверенного государства ФРГ формально признала в качестве окончательных установленных после войны территориальные границы. Вопрос о территориальных границах послевоенной Германии обсуждался странами-лидерами антигитлеровской коалиции в Ялте, а затем в Потсдаме. При этом, во время дискуссии полного единодушия продемонстрировано не было. В частности, против предложения главы делегации СССР И.Сталина о передаче Польше земель по линии Одер-Нейсе

выступил глава делегации Великобритании У.Черчилль. Поскольку предложение И.Сталина получило поддержку делегации США и Франции, оно в конце концов было принято. Большой интерес представляет суждение, высказанное по рассматриваемому вопросу главой Польской Народной Республики

В. Ярузельским. «После Ялты, после 1945 г. граница Польши изменилась в выгодном для неё плане. Единственным гарантом наших западных рубежей был тогда Сталин, который отодвинул границы на Запад, чтобы расширить зону советского влияния. Западная Германия это активно оспаривала. Генерал де Голль в 1967 г. был единственным из западных политиков, кто приехал в Польшу со стороны Запада, углубившись на десять километров в бывшую Силезию. Этим он подчеркнул, что теперь это – территория Польши. Из Москвы всё время напоминали, кто гарантирует нашу границу. И давали понять: если вы соцстрана, то ваша территория неприкосновенная. А если нет, то...» [3].

В отличие от ГДР, на территории которой продолжало проживать немецкое население, с других территорий, отошедших к СССР, Польше, Чехословакии, немцы были выселены в Германию. Отторжение названных территорий от Германии и выселение с них немецкого населения осуществлялось по решению стран-победительниц, закреплённому Потсдамскими соглашениями 1945 г. Выселение производилось в срочном и принудительном порядке без выплаты какой-либо компенсации за оставленное недвижимое и движимое имущество, без заключения каких-либо соглашений с немецкой стороной. «Потсдамские соглашения, – подчёркивает Карл Ясперс, – это соглашения между победителями, а не обязательство перед побеждёнными... Война создавала новые правовые предпосылки и они установлены не договором, а исходом войны. Эти результаты не обосновывались правом – они сами стали основой для новых прав... Следует принять и признать как свершившийся факт результаты развязанной гитлеровской Германией войны – установление новых границ. Это не наказание, а насилие, порождённое насилием [7, с.108-109].

Если в первоначальной редакции преамбулы Основного закона 1949 г. содержался призыв «к народу в целом осуществить единство и свободу Германии» [4, с.170], редакция действующей преамбулы, принятая после объединения ФРГ и ГДР, изменена: объявлено о достижении поставленной цели [5, с.50]. К сожалению, однако, ни Основной закон 1949 г., ни германская конституционно-правовая доктрина не дают расшифровки того, что понимается под «единством и свободой Германии». Историческое и системное толкование норм Основного закона 1949 г. позволяет высказать предположение, что по замыслу авторов Основного закона 1949 г. единство и свобода Германии включают два элемента: человеческий (объединение немецкого народа) и территориальный (воссоединение германских земель). Что касается единства немецкого народа, оно было достигнуто в результате объединения ФРГ и ГДР, а также расселения в Германии немцев, выселенных с отторгнутых восточных территорий. Что касается территориальной составляющей, согласно первоначальной редакции преамбулы Основного закона 1949 г., германский народ призывался «...осуществить до конца (подчёркнуто мною – В.С.) единство и свободу Германии» [4, с.170]. В новой редакции преамбулы слово «осуществить до конца» опущены [5, с.50]. Означает ли исключение этих слов из Основного закона 1949 г., что территориальное единство Германии достигнуто и вопрос о возвращении других восточных территорий, отторгнутых после окончания войны, снят окончательно? Однозначного ответа на поставленный вопрос в ФРГ не дают. Карл Ясперс не без основания предостерегает от достаточно распространённых в определённых кругах ФРГ настроениях восстановления Германии в границах 1937 г. Он пишет, что эти настроения проявляются не только на бытовательском уровне, но и среди руководящих политиков. «Один министр открыто выдвигает притязания на Судеты и его не смещают за это с должности; организации переселенцев при участии и с согласия правительства требует возвращения своей родины» [7, с.110].

Отсутствие определенности в политике ФРГ относительно территориальной проблемы способствует сохранению известной напряжённости в её отношениях с восточными соседями. То, что Польша оказалась в этом смысле «наиболее слабым звеном» неудивительно. В немалой степени этому способствовала антигерманская риторика занимавших высокие государственные посты братьев Качинских. Если вспомнить приведенное суждение В. Ярузельского, а также учесть состояние польско – российских отношений за последние 20 лет, многое проясняется.

С целью снятия этой напряжённости четыре страны-победительницы (СССР, США, Великобритания, Франция), являющиеся носительницами прав и обязанностей в отношении всех, связанных с войной германских проблем (Берлин, объединение, мирный договор, границы и др.), и без участия которых не могла решаться ни одна из этих проблем, заключили 12 сентября 1990 г. (накануне объединения ФРГ и ГДР) в Москве договор с многообещающим названием «Договор об окончательном урегулировании проблем Германии». Любопытно, что на подготовительную встречу министров иностранных дел стран-победительниц 17 июня в Париже также был приглашён министр иностранных дел Польши

(страны, являющиеся «наиболее слабым звеном» отношений Германии с её восточными соседями). По этому договору территория Германии состоит из Берлина, ФРГ и бывшей ГДР. Граница с Польшей по линии Одер – Нейсе объявляется окончательной. «Конституция объединённой Германии, – говорится в договоре, – не должна содержать положений несовместимых с этими принципами» [2, с.861]. Четыре страны – победительницы объявили о прекращении действия своих прав и ответственности в отношении Берлина и всей Германии. «Объединённая Германия будет располагать полным суверенитетом во внутренних и внешних делах» (ст. 7). Дополнительные соглашения Германии с Польшей и СССР должны подтвердить окончательный характер границы по линии Одер – Нейсе. Однако, за прошедшие после заключения Московского договора 20 лет заметных перемен не произошло. Изъятие из действующей редакции преамбулы Основного закона 1949 г. слов «осуществить до конца» едва ли означает решительный отказ от восстановления полного территориального единства Германии. Решение этой проблемы, однако, возможно договорным или силовым путём, что в настоящее время представляется нереальным. В связи с этим принятие вместо октроированного, навязанного западными оккупационными властями Основного закона 1949 г. «Конституции, принятой свободным решением немецкого народа» (ст. 146 Основного закона 1949 г.), видимо, откладывается на неопределённое время. Конечно, перенос решения проблемы на неопределённый срок не означает отказа от её решения. Перенос может произойти из-за признания невозможности найти приемлемое решение в современных условиях, а также может свидетельствовать о стремлении отложить решение проблемы «до лучших времён».

Литература

1. Allemann Fr. Rene: Bonn ist nicht Weimar. Koln, 1956
2. Encyclopedia universalis. T.1, Paris, 2008.
3. «Известия» 20.10.2009.
4. Конституции буржуазных государств. – М., 1982.
5. Конституции зарубежных государств. – Минск, 2007.
6. Ледах, И.А. Конституция (Основной закон) Федеративной Республики Германии / И.А. Ледах // Буржуазная конституция на современном этапе. – М., 1983.
7. Ясперс, Карл. Куда движется ФРГ? / Карл Ясперс. – М., 1969